

Э.Е.Кузнецова, Л.В.Пегушева

Социальная роль женщины в Латинской Америке: достижения и проблемы

Статья посвящена проблемам выравнивания социальных ролей мужчины и женщины, их истокам, последствиям и перспективам решения. Путь к полноправной социальной роли женщины в латиноамериканских и карибских странах далек от завершения, но прогресс очевиден, и движение продолжается: совершенствуются юридические основы равноправия, предпринимаются попытки их материализации. Среди множества стимулирующих этот процесс факторов главным является неуклонно возрастающая экономическая активность женщин.

Ключевые слова: гендерное неравенство, роль государства, образование, демографический переход, семья, женщина на рынке труда, миграция.

Исторически важной тенденцией в общественной жизни Латинской Америки является процесс выравнивания социальных ролей мужчин и женщин. Модель традиционной семьи с главенством мужчины и, как правило, подчиненным, а зачастую бесправным положением женщины и детей с внутрисемейным насилием и невмешательством общества в семейные дела издавна доминировала в большинстве латиноамериканских стран и рассматривалась в качестве незыблемой структуры. К концу прошлого столетия в положении и социальном статусе женщины наметились необходимые сдвиги. Социально значимым явлением они становятся в веке XXI.

Борьба за равноправие женщин в семье и обществе насчитывает в странах региона более чем вековую историю и видится сегодня как очень замедленное, поэтапное и поступательное движение к цели. Чтобы понять, как и почему столь долг и до сих пор не завершен путь к гендерному равенству, достаточно вспомнить об исходной позиции, т.е. положении женщин в патриархальных обществах и традиционных семьях с фактической дискриминацией по всем жизненно важным вопросам. Здесь и лишение прав собственности и наследования; ограничение свободы передвижения в соответствии с социальными нормами, разграничивающими «внутренние» и «внешние» сферы деятельности мужчин и женщин; вынужденная

Эмма Евдокимовна Кузнецова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИЛА РАН; Лидия Васильевна Пегушева — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИЛА РАН.

экономическая зависимость от мужчины-кормильца; слабая заинтересованность общества и семьи в получении женщиной образования и работы; почти полное неучастие в принятии политических решений и т.д., вплоть до широко распространенного факта внутрисемейного насилия¹.

Естественное самовоспроизводство гендерного неравенства создавало своего рода ловушку, которая мешала многим поколениям женщин получать образование, ограничивала их экономическую активность, способность к самостоятельному, информированному выбору и реализации личностного потенциала. В своем докладе 2006 г. о мировом развитии Всемирный банк констатировал, что в большинстве развивающихся стран по сей день «действуют нормы, которые служат сохранению существующей социальной системы путем разграничения ролей и сфер влияния мужчин и женщин»². Мировой исторический опыт свидетельствует о том, что чем более традиционалистским и патриархальным является общество, тем труднее и медленнее его путь к гендерной справедливости, тем слабее в нем разного рода предпосылки к преодолению *de facto* одного из самых глубоких предрассудков в истории человечества.

Последствия достижения гендерного равенства особо сложны и неоднозначны. Специфика проблемы заключена в двуединой сущности жизненных функций женщины: репродуктивной и социальной. Ими обусловлены двойственный характер и неоднотипность мер и механизмов, предназначенных что-либо менять в исторически сложившейся гендерной конструкции. На процесс выравнивания социальных ролей мужчины и женщины оказывают позитивное или тормозящее воздействие взаимосвязанные между собой многообразные факторы — объективные и субъективные, долговременного действия и конъюнктурные.

Национальные модели и механизмы решения гендерных проблем также гетерогенны. Они создаются в разное время и в разных исторических и политических контекстах, с разными человеческими и финансовыми ресурсами, экономическими и производственными системами, уровнями включения в международный рынок, разными структурами рынка труда, социальной политики, гражданской и социальной организации и т.д.

Национальное многообразие затрудняет, но не исключает возможности анализа тенденций, характеристик и факторов влияния на процесс формирования нового социального статуса современной женщины Латинской Америки. Среди общего — роль государства и государственной гендерной политики, которые трудно переоценить. В первую очередь государству, преодолевая сопротивление консервативных тенденций и институтов в патриархальных, традиционных обществах, по силам обеспечить женщине достойное существование в ее ипостасях матери, полноправного члена семьи, социальной личности. Ввиду чрезвычайной сложности задачи любые меры и решения по равноправию полов и укреплению социальной роли женщины, принимаемые государством в развивающихся странах, приближают цель постепенно, не достигая ее в полной мере. Удовлетворительного решения проблемы равенства полов в социальной сфере не существует, поскольку не существует замены женщине в ее репродуктивной миссии и на первом этапе жизненного цикла новорожденного, а также из-за почти неизбежных, вызывающих у женщин стресс в послеродовой период, асоциализации, потери мобильности и отвыкания от рабочего ритма. Однако за пределами сугубо гендерной специфики остается широкое поле возможностей для позитивного воздействия на перспективы роста социального статуса женщины со стороны, прежде всего, государства, рынка труда, семьи. В противном случае развивается один из трех сценариев:

женщина равно несостоятельна на работе и в семье; успешна в труде — в ущерб своим социализационным функциям и уходу за престарелыми и больными домочадцами; прерывает свой выход на рынок труда и социальный рост. Без целенаправленной, комплексной социальной политики и программ с учетом интересов работающей женщины решение гендерного равноправия представляется невозможным.

Немалый вклад в борьбу за равноправие женщин с самого начала внесли международные и региональные общественные, феминистские организации, движения за права человека, отдельные выдающиеся деятели. В 1967 г. Генеральная Ассамблея ООН суммировала теоретические разработки, провозгласив Декларацию об искоренении дискриминации женщин и призвав мировое сообщество к борьбе с гендерным неравенством. В тот период ближе всего к цели подошли наиболее экономически и политически развитые страны, причем сама установка в них на равные права мужчин и женщин стала важнейшим стимулом и условием национальных достижений во всех областях. Распространение опыта развитых стран — через международные организации — сыграло положительную роль в продвижении в страны Латинской Америки идей и практики гендерного равноправия.

После Декларации 1967 г. прошло, однако, несколько лет, прежде чем на Всемирной конференции международного года женщины (Мехико, 1975 г.) был сделан следующий шаг — одобрен так называемый «План всемирного действия» и разработаны конкретные рекомендации для латиноамериканских стран. Через два года они воплотились в «План регионального действия по интеграции женщины в экономическое и социальное развитие Латинской Америки». Еще через два года Генеральная Ассамблея ООН приняла «Конвенцию по искоренению всех форм дискриминации женщины», которая была ратифицирована всеми латиноамериканскими странами³.

Процесс глобализации — при всей противоречивости его тенденций, неоднозначности мотиваций и оценок — облегчил и благодаря бурному развитию новых коммуникативных связей и СМИ ускорил обмен опытом между регионами и странами, дал импульс поиску решений, взаимопомощи. В условиях национального и регионального многообразия глобализация способствовала выявлению общих закономерностей цивилизационного развития, в том числе такой фундаментальной, как тенденция к равенству полов и изменению роли женщины в семье и обществе. Гендерный вопрос вошел составной частью «в движение к социальному равноправию и справедливости», официально заявленному мировым сообществом в качестве главного вектора развития в XXI в. Применительно к Латинской Америке официальный документ Всемирной комиссии по социальным аспектам глобализации гласил, что глобализация «ассоциируется с расширением демократии в регионе и усилением общественного внимания к таким вопросам, как гендерное неравенство, права человека и устойчивое развитие»⁴.

Вышеперечисленные и многие другие международные и региональные мероприятия второй половины прошлого века, посвященные гендерной проблематике, носили, в основном, вербальный характер и существенных практических последствий не имели. Идея равенства полов, тем не менее, постепенно обосновалась во всех латиноамериканских обществах и с разной степенью успеха стала претворяться в жизнь. Изменения на рынке труда и вмешательство со стороны государства постепенно разрушали фундамент гендерного неравенства.

ПРЕДПОСЫЛКИ СОЦИАЛЬНОГО РАВНОПРАВИА ЖЕНЩИН

Последняя четверть XX в., особенно 90-е годы, были отмечены в Латинской Америке новыми тенденциями и явлениями в экономике, политике, социальных отношениях, повлекшими за собой глубокий кризис традиционных структур общества. Постепенная смена стратегии развития и модернизация экономики по неолиберальной модели резко изменили социальные условия и формы жизнедеятельности в большинстве стран региона. Знаковым явлением переходного периода было активное включение женщин в трудовую деятельность, ставшее одной из качественных характеристик модернизационного процесса и главной предпосылкой изменения социального статуса и роли женщины.

В то же время, в силу чрезвычайно тяжелых условий занятости на первых этапах экономических преобразований, именно период 90-х годов сфокусировал и в полной мере проявил все виды женской дискриминации. На IV Всемирной конференции женщин (Китай, 1995 г.) представители латиноамериканских правительств официально признавали, что «процессы структурной перестройки, начатые в 80-е годы, негативно отразились на положении женщин»⁵.

На рынке труда женщины оказались в наихудшем положении с точки зрения форм и видов занятости, оплаты, уровня безработицы. Одновременно женщины продолжали нести всю полноту ответственности за детей, стариков, благоустройство семьи в целом. Совместив экономическую активность с репродуктивной функцией и традиционными семейными обязанностями, женщина попала в центр треугольника «государство — рынок — семья», причем в тот исторический момент, когда ни государство, ни рынок, ни семья не были готовы и способны должным образом компенсировать женщине такое совмещение.

Ключ к решению проблемы социальной составляющей гендерного равенства лежал в реальном обеспечении женщин равными с мужчинами правами при найме на работу, предоставлении равноценных условий оплаты труда, социальной защиты. Между тем тому периоду и состоянию обществ соответствовала политика, все еще концентрировавшая внимание преимущественно на исконно женских проблемах, связанных с репродуктивной функцией, здоровьем, домашним насилием. Неразвитость, фрагментарность, малоэффективность политики и систем социальной защиты в конце прошлого века были существенным тормозом на пути достижения женщиной равного с мужчиной положения.

Индикатором прогресса в гендерных отношениях становилось (и продолжает быть до сего дня) появление экономических и социальных аспектов в законодательной базе и практике, фиксирующих факт превращения женщины в самостоятельный и равноправный субъект социальной политики.

С массовым включением женщин в трудовую деятельность гендерное равенство все чаще рассматривалось правительствами и бизнесом сначала, в основном, как средство борьбы с бедностью, а в дальнейшем еще и как обязательное условие достижения экономического роста и производительности труда. Соответствующие законодательные акты, принятые в 90-е годы разными странами и имевшие в каждой из них свою специфику, масштаб и конкретные результаты, объективно — в той или иной степени — содействовали усилению социальной роли женщины. К началу нового столетия практически во всех латиноамериканских и карибских странах осуществлялись программы и проекты, целью которых было перевести достижения в области гендерного равноправия из формы *de jure* в практическую

плоскость. К 2000 г. в Бразилии, Аргентине, Мексике, Гватемале, Гондурасе, Перу, Боливии, Парагвае существовали, например, специальные программы для женщин, занятых на микропредприятиях неформального сектора экономики, предназначенные облегчить им доступ к информации, обучению, кредитам, новым технологиям. Решения состоявшейся в Лиме в 2000 г. VIII Региональной конференции по проблемам женщин также свидетельствовали о стремлении «поставить в центр правительственных задач социальное и гендерное равенство» путем создания большего числа и лучших рабочих мест для женщин и справедливых систем социальной защиты, включения неоплачиваемого домашнего труда женщин в системы социального обеспечения и т.д.⁶.

Первые меры государства по защите прав работающих женщин исторически совпали по времени с первыми реальными успехами многолетней политики латиноамериканских стран в сфере образования, начиная с ликвидации неграмотности населения и последующего постепенного роста его уровня среди всех социальных слоев и без дискриминаций. Разумеется, нельзя закрывать глаза на огромные проблемы, упущения, социальные изъяны и издержки систем образования. Массовый доступ к нему не исключает до сих пор ограничений по признакам пола, места проживания, этнического происхождения, образовательного уровня родителей и т.д. К примеру, по данным ЭКЛАК на 2005 г., между получившими среднее образование женщинами (и мужчинами) из малообеспеченного (1 квинтиль) и самого богатого (5 квинтиль) социальных слоев существовала заметная разница: 22% в первом случае (мужчины — 19%) и 81% во втором (мужчины — 76%). Среди закончивших высшие учебные заведения разница еще больше: 1% и 24% — женщины, 1% и 20% — мужчины⁷. Социальное неравенство отражается на качестве обучения, и тем не менее, несмотря на серьезные недостатки, прогресс в области образования не вызывал сомнений, подтверждался статистикой. Он будет все очевиднее по мере временного удаления от уровня неграмотности или низкого образования старшего поколения.

Приведем несколько цифр в качестве доказательной базы. К 1990 г. начальное образование имели 77,3% мужчин и 81,6% женщин — в возрастной группе 15—19 лет; в 2005 г. эти показатели достигли, соответственно, 90,6% и 93,2%. Среднее образование в 1990 г. было у 25,4% мужчин и 28,6% женщин — в возрастной группе 20-24 лет; в 2005 г., соответственно, — 46,6% и 52,6%. Высшее образование получили молодые люди 25—29 лет: в 1990 г. 4,8% мужчин, 4,7% женщин; в 2005 г., соответственно, 6,9% и 7,9%⁸. По данным ЮНЕСКО на 2004 г., женщины составляли около 57% от общего числа получивших высшее образование⁹. Кроме факта несомненного прогресса в сфере образования, обращает на себя внимание успех женщин в овладении знаниями вплоть до самых высоких степеней и даже незначительное их «превосходство».

Образование субъективно способствует повышению самооценки и качества социализационной функции, большей независимости женщины. Соответственно возрастает ее авторитет в семье, постепенно меняются семейный психологический климат и внутренняя расстановка сил. Объективно образование, ставшее в современном мире главным капиталом при трудоустройстве, открывает (теоретически) женщине доступ к высокооплачиваемому труду, возможному продвижению по социальной лестнице, к новой социальной роли в обществе.

На процесс выравнивания социальных ролей мужчин и женщин — в менее явной форме — более пролонгированного действия и глобального масштаба — оказывает влияние демографический фактор, т.е. связанный с

проблемами рождаемости, смертности, численности и состава населения по возрасту, полу и брачному состоянию.

Примерно с середины прошлого века Латинская Америка находится в фазе демографического перехода от равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости, что неизбежно ведет к медленному снижению демографического роста. В период 1950—1975 гг. рост народонаселения, иначе говоря, превышение рождаемости над смертностью, равнялся в среднем 2,62%, в 1975—2005 гг. — 1,85%, а к 2025 г., по прогнозам ООН, он может снизиться до 0,74%¹⁰. В 1990—2005 гг. средний рост народонаселения составлял 12,6% в год, а в дальнейшем к 2015 г. ожидается 1,3%¹¹. В отличие от развитых стран, где ситуация низкой смертности и низкой рождаемости была достигнута к середине XX в., государства Латинской Америки, как и другие развивающиеся страны, переживают стадию заметного снижения смертности и все еще достаточно высокой, но неуклонно снижающейся рождаемости.

Новые тенденции в демографических структурах поначалу незаметно, но существенно и непреложно влияют на все сферы общественной жизни любой страны: на формирование рынка труда, систем образования и здравоохранения, эволюцию института семьи, механизмы социальной защиты, содержание политики. Уже на I региональной латиноамериканской конференции по демографической политике (Мехико, 1970 г.) рассматривалась ее тесная взаимосвязь с проблемами и политикой экономического развития¹². Последствия демографических перемен самым непосредственным образом отражаются и на положении женщины, расширяя ее социальный потенциал.

Причины, питающие процесс демографического перехода, многочисленны и включают в себя экономические, социальные, институциональные, культурные аспекты развития каждой страны в отдельности и региона в целом. Среди конкретных факторов, повлиявших на снижение рождаемости, важнейшие — бурно развивавшаяся в середине XX в. урбанизация, неуклонный рост уровня образования населения, включая его женскую часть, достижения в области контрацепции.

Огромные успехи медицины в мире, особенно в развитых странах, перенесенные на латиноамериканскую почву, оказали существенное влияние на снижение смертности и на рост продолжительности жизни как мужчин, так, в еще большей степени, — женщин. В 1975—1980 гг. средняя продолжительность жизни мужчин в Латинской Америке равнялась 60,9 лет, женщин — 66,1 лет; в 1990—1995 гг. — 65,8 лет и 72,4 лет; к 2005 г. — 68,8 лет и 75,2 лет, соответственно. Немаловажно, что заметно сокращался уровень детской смертности (на 1000 рожденных): со 127,7 в период 1950—1955 гг. до 27,7 в 2000—2005 гг.¹³.

Совокупность условий развития стран региона, обуславливающих показатели демографических перемен, позволила Латиноамериканскому и Карибскому центру демографии и ЭКЛАК типологически выделить к 2000 г. четыре группы стран в зависимости от этапа перехода. К первой группе (Аргентина, Уругвай, Чили и др.) относились страны с выраженной тенденцией снижения смертности и рождаемости и с ростом населения около 1% в год. Вторая группа (Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Мексика, Перу, Эквадор и др.) имела уровень роста населения около 2% в год; третья (Гватемала, Никарагуа, Парагвай и др.) и четвертая (Боливия, Гаити) — свыше 2—2,5%¹⁴. В среднем к 2005 г. уже ни одна латиноамериканская страна не была на этапе, когда высоки и смертность, и рождаемость¹⁵, что говорит о постепенном движении региона в правильном направлении.

Неспешный темп демографического перехода в Латинской Америке повлек за собой несколько социально важных последствий, в том числе имеющих прямое отношение к положению женщин в семье и обществе. Тенденция к снижению рождаемости, какой бы замедленной она ни была, — это запущенный в действие механизм освобождения женщины от внутрисемейного подчинения и постоянно действующий стимул к повышению социальной активности. Достижению той же цели служили сопутствующие этой тенденции увеличение нерепродуктивных периодов, более позднее вступление в брак, расширение услуг по уходу и обучению детей, а также использование в домашнем труде новейшей бытовой техники и других предметов постиндустриального развития.

С другой стороны, чем медленнее темп демографического перехода, тем, как правило, сохраннее патриархальные социальные нормы, согласно которым женщина традиционно выполняет все обязанности по домохозяйству в целом, тем отдаленнее перспектива гендерной справедливости и равноправия. Эволюция традиционной семьи, ее кризис и последующее ослабление доминирующих позиций стали, таким образом, обязательным условием и одной из главных предпосылок процесса выравнивания социальных ролей мужчины и женщины.

СЕМЬЯ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ

Исторически семья является тем социальным институтом, который, кроме воспроизводства потомства, осуществляет и другие важнейшие функции: экономическую, статусную (передача социального статуса следующему поколению), социализационную. Семья есть связующее звено между индивидом и обществом и самый доступный и эффективный механизм социально-психологической и эмоциональной адаптации к любого рода переменам. Реализация личностного потенциала, как правило, начинается в семье и ею во многом определяется.

Семья играет ключевую роль в производстве и воспроизводстве того или иного уровня семейного благосостояния, особенно в государствах с неразвитыми системами социального обеспечения и защиты. В период модернизации и перестройки экономики семейный капитал (наличие или отсутствие различных форм собственности, качество полученного образования и профессиональной подготовки, семейные связи и т.д.) приобретает особое значение, предопределяя возможности сохранения, роста или падения уровня и качества жизни членов семьи. Неслучайно в кризисные, переходные, реформаторские периоды развития общества востребованность семьи, особенно в малоимущих слоях, возрастает (как это случилось в Латинской Америке в 90-е годы), поскольку семья способна мобилизовать такие свои активы, как труд женщин, старшего поколения, детей или даже миграцию.

Одна из особенностей семьи в трудные времена состоит в расширении состава за счет старших детей, экономически полностью зависимых от родителей по причинам либо более длительного периода обучения, либо невозможности в условиях массовой безработицы трудоустроиться и создать собственную семью. Такая же ситуация складывается в случаях раннего материнства (15—19 лет), получивших в Латинской Америке широкое распространение, особенно в низших социальных слоях¹⁶.

Состав семьи в условиях демографических перемен расширяется и за счет людей, перешагнувших 60-летний рубеж, поскольку при недостаточно развитом пенсионном обеспечении часть из них находит в се-

мье единственное спасение и прибежище. В иных случаях, напротив, работающие пенсионеры вносят в бюджет семьи свой небольшой, но остро необходимый вклад.

Иными словами, семья продолжает оставаться уникальным средством выживания, сплочения, взаимопомощи и в этом качестве не имеет аналогов в обозримом будущем. Закончилась эпоха лишь определенного типа семьи, который соответствовал традиционным, патриархальным общественным отношениям. Семья продолжает занимать главное место в жизни женщины, прежде всего в силу ее первородной, репродуктивной функции. Любые перемены в семье неизбежно отражаются на положении и участии женщины. Однако по мере эволюции традиционных обществ и института семьи усиливается обратная связь, и своим движением к социальному и гендерному равенству женщина немало содействовала кризису и ослаблению традиционализма и патриархальщины в семейных отношениях.

Экономические, социальные и демографические перемены существенно отражаются на институте семьи. Общемировая тенденция к атомизации общества и индивидуализации всех форм деятельности и жизни человека, набирающая силу и в Латинской Америке, стимулирует индивидуалистические настроения в ущерб ценностям коллективных действий, поощряет развитие личностного начала, побуждает к самостоятельности и инициативе, повышает возможности самореализации личности. Крайняя индивидуализация, в свою очередь, ведет к социальной дезинтеграции, разрыву социальных связей и ослаблению солидарности, усугубляет кризис организаций и институтов, традиционно защищавших человека, в том числе семьи.

Эволюция института семьи долгое время протекала в рамках привычных социальных норм. Однако постепенно накапливались и происходили глубокие перемены в структуре, составе, расстановке сил в семье, менялись поведенческие стереотипы и психология мужчин, женщин, молодежи и старшего поколения. Одновременно появлялись новые, гибкие, иногда уродливые, но более адекватные времени формы семейных и гендерных взаимоотношений.

Сложные процессы трансформации традиционной семейной структуры сопровождались такими новыми для региона явлениями, как участвовавшие разводы, незарегистрированные браки, «браки по согласию», ранние половые связи и т.п. (В некоторых странах более трети всех новорожденных в конце 90-х годов появлялись на свет вне брака¹⁷.) Традиционный тип семьи постепенно разрушался, уступая место гетерогенным семейным формам и структурам.

На протяжении длительного исторического периода самой распространенной в Латинской Америке считалась нуклеарная семья (муж, жена, их дети). К 1990 г. процент таких семей составлял 46,3 от всех семейных форм, к 2002 г. их стало на 3,5% меньше, причем снижение произошло во всех латиноамериканских странах без исключения.

Выросло число нуклеарных семей с одним родителем во главе, чаще женщиной: с 9,7% в 1990 г. до 11,3% в 2002 г. (от всех латиноамериканских семей). Увеличилась доля униперсональных семей (точнее — домохозяйств) с 6,7% в 1990 г. до 8,4% в 2002 г., особенно в социально обеспеченной среде¹⁸. Таким образом, не только в количественном, но и качественном отношении классическая нуклеарная семья сдавала свои некогда доминирующие позиции. К традиционным семейным формам относятся многопоколенческие, расширенные семьи, включающие ближайших родственников. Хотя пик их распространения приходился на доиндустриальный период, расширенные семьи и в конце 90-х годов составляли немно-

гим менее четверти от всех семей. В ряде стран был отмечен их рост за счет упомянутых выше явлений раннего материнства и невольного иждивенчества взрослых детей и стариков. Главной же причиной относительной устойчивости семей расширенного типа в Латинской Америке является бедность, не позволяющая распасться на отдельные семейные ячейки, в том числе униперсональные домохозяйства.

В средней и долгосрочной перспективе, тем не менее, тенденция к сокращению многопоколенческих домохозяйств и росту униперсональных будет укрепляться. Уменьшение среднего размера семей и домохозяйств имеет под собой серьезные основания и связано со снижением рождаемости, растущим уровнем образования женщин, их экономической активностью, более поздним вступлением в брак и рождением детей, совершенствованием систем социальной защиты и т.д.

Претерпел глубокую трансформацию тип патриархальной семьи, основанной на принципе «муж — кормилец» и «жена — хранительница очага» с присущими такой семье многообразными формами дискриминации женщин. Вследствие массового выхода женщин на рынок труда появилась модель семьи с «двойным доходом». В среднем по Латинской Америке участие в экономической деятельности жен из нуклеарных семей выросло с 37% в 1990 г. до 47,6% в 2002 г.¹⁹. Это означало, что к началу нового века почти в половине полноценных нуклеарных семей женщина перестала быть только домохозяйкой и вносила свою долю дохода в семейный бюджет. Такое положение сложилось во всех латиноамериканских странах, особенно в Венесуэле (48%), Панаме (45,7%), Мексике (39,7%), Коста-Рике (42,7%), Чили (38,2%), Бразилии (47,7%), Боливии (59,8%). Это кардинально меняло положение как самой женщины, так и в семье как традиционном институте общества. Появление модели семьи с «двойным доходом» породило новый конфликт, связанный с необходимостью совмещения производственных и семейных обязанностей, примирить или смягчить который можно лишь с помощью адекватной политики и используя механизмы социальной защиты, инфраструктуры, компенсаций.

В контексте изучаемой темы особого внимания заслуживает тенденция к формированию семей с главенством женщины²⁰. Их число выросло в 1994—2002 гг. с 24% до 28%, т.е. немного не дотягивало до трети от общего числа латиноамериканских семей. В расширенных семьях эта пропорция доходила до 40% (самый низкий уровень, 29%, был в Эквадоре, а самый высокий, 47,1% — в Сальвадоре). Среди униперсональных домохозяйств в среднем по региону 49% были созданы женщинами, а в таких странах, как Аргентина и Уругвай, этот показатель достигал 64,9% и 63,5% соответственно. (Не исключено, что данные по женскому главенству, основанные на непосредственных, социологических опросах, не вполне корректны и занижены в угоду традиционным нормам.) Женщина во главе семьи любого из вышеназванных вариантов — это вызов традиционализму и патриархальности и шаг, часто вынужденный и трудный, к новой социальной роли в обществе.

То же самое можно сказать о других последствиях кризиса традиционной семьи и альтернативных явлениях и тенденциях: они подрывали семейный оплот традиционного общества и стимулировали процесс освобождения женщины от гендерного социального неравенства. Исторический парадокс состоит в том, что женщины, казалось бы, самое слабое звено патриархальной семейной структуры, сыграли едва ли не ключевую роль в ослаблении и разрушении этой структуры. Среди множества содействовавших факторов главный и необратимый удар по традиционализму во

всех его проявлениях нанесли экономическая активность и массовый выход женщин на рынок труда.

ЖЕНЩИНА НА РЫНКЕ ТРУДА

Участие женщин на рынке труда росло в течение двух последних десятилетий прошлого века и в начале нового. К 2005 г. в городских зонах 17-ти стран региона работающие женщины и те, которые искали работу, составляли 58,1% от числа женщин трудоспособного возраста (15—64 лет). Для сравнения в 2002 г. — 55,5%, в 1990 г. — 45,9% (см. таблицу 1). Участие мужского населения в течение этого периода оставалось практически неизменным — около 83%. Если рассматривать рост трудовой занятости женщин по возрастным группам, то наибольший приходится на группу 25—29 лет и 30—64 г. Показатели 2003—2004 гг. превышали показатели 1990 г. на 11—12 процентных пунктов²¹.

Т а б л и ц а 1

ЖЕНЩИНЫ НА РЫНКЕ ТРУДА В ГОРОДСКИХ ЗОНАХ 17 СТРАН В 1990—2005 гг. (в %)²²

	Годы		
	1990	2002	2005
Работающие или ищущие работу (трудоспособного возраста от 15 до 64 лет)	45,9	55,5	58,1
Работающие	42,7	48,5	51,3
Безработные	6,9	12,7	11,8
Наемные работницы (а)	71,6	68,9	69,3
Безработица среди наемных работниц (б)	9,3	17,9	13,7
Безработица среди не наемных работниц (в)	3,7	8,2	5,5

Источник: ЭКЛАК, на базе опросов домохозяйств:

а) % от всех работающих женщин;

б) не учтены ищущие работу первый раз. Не включены Боливия, Бразилия, Чили, Мексика, Перу;

в) независимые трудящиеся, предприниматели, работающие в кооперативах, семейные работники (и несемейные) неоплачиваемые.

Экономический кризис 1998—2002 гг. усилил все отрицательные тенденции, которые наблюдались на рынке труда в 90-е годы. Выросли безработица, ненадежная занятость, заработная плата оставалась низкой или даже уменьшалась. Рост экономической активности в большинстве стран региона, начиная с 2003 г., привел к заметным изменениям. Сократилась безработица, в 2005 г. в городских зонах 17 стран она составляла 9,7% (2002 г. — 10,7%). Хотя среди женской части населения это снижение также наблюдалось, женская безработица по-прежнему превышала мужскую (2002 г. — 9,2%, 2005 — 8,0%)²³. Правда в ряде стран — Аргентина, Колумбия, Панама, Уругвай, Венесуэла — и женская, и мужская безработица (2002—2005 гг.) снизилась на пять процентных пунктов²⁴.

Особенно заметна разница в показателях мужской и женской безработицы в молодежной группе — 15—29 лет. В 2003—2004 гг. она составляла почти семь процентных пунктов, в то время как в возрастной группе от 30 до 64 лет только три процентных пункта²⁵.

Какова структура женской занятости на рынке труда? По предварительным данным МОТ, в 2007 г. женщины составляли 22,7% от всех занятых в сельском хозяйстве. Процент женщин, работавших в промышленности, несколько выше — 26,5%. Существенно больше женщин занято в третичном секторе, а именно в сфере услуг — 51,1% от всех работающих в этом секторе.

Интересно сравнить эти данные по латиноамериканскому региону с данными МОТ по другим регионам мира. Так, достаточно близки показатели участия женщин в промышленности и сфере услуг с показателями стран Евросоюза и развитых европейских стран, а также стран Центральной и Юго-восточной части Европы. Заметно различаются данные по участию в сельском хозяйстве. В латиноамериканском регионе они существенно ниже, чем в европейских странах (от 36% до 44%) и близки к показателям по Северной Африке (около 24%)²⁶.

Развитие экономики и проведение неолиберальных реформ в последние годы вызвали большие изменения в третичном секторе. Модернизация технологических процессов в финансовой сфере резко увеличила спрос на квалифицированных специалистов, к тому же именно в этом секторе появилось больше всего рабочих мест. Рост образования женской части населения, а также определенные женские качества (аккуратность, старательность и исполнительность) позволили им претендовать на занятость в финансовой сфере.

Наглядным примером может служить Чили, где участие финансового сектора составляет около 12% в ВВП. С 1990 по 2001 г. число женщин, занятых в финансовой сфере этой страны, выросло с 25 тыс. до 58 тыс. человек, причем особенно заметен рост участия женщин с высшим образованием. В 2004 г. женщины занимали 46,5% всех рабочих мест в этом секторе и 9,2% от всех занятых в экономике. Изучение в 2000 г. специалистами ЭКЛАК положения женщин, занятых в двух крупных чилийских финансовых организациях, принадлежащих ТНК и интенсивно использующих новые технологии и коммуникации, показало, что женщины составляют 60—70% от всех работников. Женщины, наряду с мужчинами, признаются главной активной силой в достижении успеха предприятий. Прямых гендерных дискриминаций обнаружено не было, однако наличие гендерного подхода при назначении женщин на руководящие должности было признано²⁷.

Экономическая активность женщин сильно зависит от их социального положения. В бедных семьях женщины имеют гораздо меньше возможностей для получения среднего и особенно высшего образования. После создания своей собственной семьи им приходится сочетать домашнюю неоплачиваемую работу, уход за детьми и престарелыми родителями с оплачиваемой работой. Именно поэтому на рынок труда из подобных домохозяйств выходит заметно меньше женщин. В то время, как в богатых домохозяйствах большую часть домашней работы выполняет прислуга, детьми занимаются няни. К тому же образование женщин из богатых семей существенно выше, они более самостоятельны и экономически независимы. Опросы домохозяйств, проведенные ЭКЛАК в 18 странах региона, показатели, что к 2005 г. в самых бедных домохозяйствах (1-ый дециль) экономически активны 36,5% женщин, а в самых богатых (10-ый дециль) — 61,1%. Для сравнения — участие мужчин из подобных домохозяйств в экономической деятельности отличалось незначительно (76,3% и 79,7% соответственно)²⁸.

Возможности трудоустройства для женщин, имеющих детей, во многом зависят от существующей в данной стране организации дошкольных учреждений. Прежде всего это касается женщин из бедных семей. В последние годы в ряде стран, например, Чили, созданию детских учреждений стали придавать важное значение. В Чили с приходом к власти М.Бачелет только за период с 2003 по 2006 г. более чем в два раза выросло число детей, посещающих дошкольные учреждения. Правда, разные социальные слои это коснулось по-разному. В 2006 г. немного больше трети детей (32,3%) из самых бедных семей (1-й квинтиль) посещали детские учреждения, в то время как из богатых семей (5-й квинтиль) немного меньше половины детей (47,4%). Подобная ситуация не могла не сказываться на возможностях трудоустройства женщин из бедных семей. М.Бачелет объявила одним из приоритетов своей социальной политики создание детских учреждений «достойного уровня и равных возможностей»²⁹.

Перестройка экономики в течение последних десятилетий внесла серьезные изменения в концепцию и организацию труда на континенте. Заметные изменения произошли в сфере наемного труда, положение в котором обычно считается хорошим показателем функционирования рынка труда в целом. Занятость женщин в этом сегменте рынка постепенно росла в последнее десятилетие, хотя в значительной степени в секторах с низкой производительностью (см. таблицу 2)³⁰. Однако женская безработица среди наемных работниц, как мы видели раньше, была выше, чем среди женщин, занятых в других секторах рынка, и значительно выше, чем среди мужчин — наемных работников³¹.

Т а б л и ц а 2

ЖЕНЩИНЫ (15—64 ГОДА) — ГОРОДСКИЕ НАЕМНЫЕ РАБОТНИЦЫ
(18 стран, в % от всех наемных работников)

Годы	Наемные работницы	Наемные работницы в секторах с низкой производительностью	Наемные работницы в госсекторе	Наемные работницы в частном секторе
1990	37,3	47,3	43,1	37,6
2002	41,7	60,3	50,7	39,8
2005	42,2	62,2	51,5	39,6

Источник: CEPAL. Panorama social de América Latina, 2006. Santiago, 2007, p. 134.

Качество занятости наемных работников, в данном случае женщин, определяется целым рядом показателей. Один из главных — наличие формально подписанного договора, определяющего все условия найма. Здесь прежде всего видна дискриминация по отношению к женщинам, так как на 4-5 процентных пунктов за весь период с 1990 по 2005 г. показатели женщин, имеющих формальные контракты, были ниже, чем у мужчин. Процент женщин — наемных работниц с формальным контрактом после 2002 г. медленно начал расти (2005 г. — 40,2%), но оставался ниже показателя 1990 г. (43,8%).

Предприниматели широко используют заключение формального договора с наемным работником, но неопределенного характера, позволяющего работодателю поступать сообразно своим интересам в установлении продолжительности рабочего времени, размера заработной платы, условий

труда и обязательств по социальному обеспечению. В отдельных странах региона (Чили, Гватемала, Мексика, Панама, Доминиканская Республика) к 2005 г. более 80% женщин, занятых наемным трудом, имели формальный договор неопределенного характера³².

Наибольшая дискриминация женщин наблюдается в оплате труда, причем разница видна и в одной возрастной группе с мужчинами, и при одинаковом уровне образования. К 2005 г. средняя зарплата женщин едва превышала 75% зарплаты мужчин с небольшим различием в государственном и частном секторах. При этом следует учитывать, что вообще средняя зарплата в частном секторе (как мужчин, так и женщин) составляла приблизительно 60% от средней зарплаты на государственных предприятиях³³.

Исследования ЭКЛАК относительно гендерной дискриминации в отношении зарплаты в 13 странах континента показали, что в начале нового века разница в оплате труда была выше, чем в 1990 г. в Аргентине, Боливии, Никарагуа, и меньше — в Бразилии, Колумбии, Сальвадоре³⁴.

Помимо чисто дискриминационных мер при оплате труда женщин учитывается трудовой стаж, размер которого влияет на «выплату за опыт». И здесь сказывается перерыв в трудовой деятельности у женщин из-за рождения и ухода за детьми и за престарелыми родственниками. Это в большой степени касается женщин (после 30 лет) с высоким уровнем образования, чем со средним и низким. В молодежных группах (15—19 лет, 20—24 года, 25—29 лет) положение противоположное: молодые женщины с более высоким уровнем образования в своей возрастной группе получают и большую зарплату. Так, по данным ЭКЛАК по 16 странам (на основе опросов домохозяйств), в 2002 г. женщины 25—29 лет с образованием 13 лет и выше получали 76,4% от зарплаты мужчин того же возраста и образования; а женщины с образованием 0—3 года — 56,6% (причем данные 2002 г. почти совпадали с данными 1990 г.). Исследователи данного вопроса отмечали, что молодые образованные женщины лучше защищают свои права на равную оплату с мужчинами и добиваются меньшей дискриминации³⁵.

Необходимо учитывать, что различаются данные по оплате женского труда, приводимые не только международными организациями (МОТ, ЭКЛАК и др.), но и внутривостановые — официальные или полученные в результате опросов домохозяйств. Так, например, в Коста-Рике в 2004 г., согласно опросам, проводимым Национальным институтом статистики и цензов, женщины получали в месяц в среднем на 19,3% меньше, чем мужчины. Официальные данные этого же института дают совершенно другую картину: женщины с высшим образованием получали месячную зарплату, равную 60% зарплаты мужчин с тем же образованием; зарплата женщин со средним образованием составляла 63,1% от зарплаты мужчин, а с начальным — 56,8%³⁶.

Опросы домохозяйств Колумбии, проведенные в 2001—2004 гг. (послекризисный период), показали падение доходов женщин в эти годы по сравнению с доходами мужчин (в среднем разница до 25%), при том, что выросло число квалифицированных работающих женщин среди всех занятых³⁷. Падение доходов коснулось женщин с разным уровнем образования, но в большей степени оно затронуло женщин с высшим образованием. Разница в оплате труда, по сравнению с мужчинами, выросла с 16% до 32%, а для женщин на руководящих постах — до 39%. Существенное уменьшение доходов женщин наблюдалось в сфере услуг, где заняты 34% всех работающих женщин (мужчин только 11% от всех работающих мужчин). Если в 2001 г. разница в оплате женщин и мужчин в этой сфере составляла 35%, то в 2004 г. — 49%. В значительной мере это объяснялось ростом временных договоров и занятостью «на конец недели» у женщин,

при этом их рабочая неделя сокращалась, а у мужчин росла. Рост числа временных договоров в послекризисный период снижал стабильность занятости женщин и уровень их доходов. Тем не менее в этот же период выросло число женщин, особенно с начальным и средним образованием, которые были включены в систему медицинского страхования. В целом же результаты опросов показали всю противоречивость выравнивания и улучшения качества занятости с гендерной точки зрения.

Одним из важных факторов, влияющих на рост социальной роли женщин, является миграция. Феминизация международной миграции подчеркивалась в докладе ООН 2006 г. о мировом населении, где сообщалось, что половину мигрантов в мире составляют женщины. В последние годы женщины покидают свои страны не только по традиционным причинам — для воссоединения с семьей, для замужества — но и в одиночку или в группе с другими женщинами с целью заработка. Что касается Латинской Америки и Карибских стран прежде всего речь идет о трудовой миграции женщин. Так, 56% эмигрировавших из Перу в течение 90-х годов составляли женщины. Больше 60% латиноамериканцев, въехавших в 2000 г. в Швейцарию, также были женщины³⁸. Согласно колумбийской переписи населения 2005 г., 8% всего населения страны живет за границей, и 51,4% из них — это эмигранты-женщины³⁹. Нестабильная занятость, а еще чаще отсутствие всякой работы и перспектив трудоустройства, социальная незащищенность — все это служило и продолжает служить побуждающими мотивами трудовой миграции.

Влияние миграционных процессов на развитие стран Латинской Америки весьма противоречиво. С одной стороны, происходит потеря части трудоспособного населения. Например, средний возраст колумбийцев, живущих за границей — 25,4 года. В последние годы растет «утечка умов». Вероятность встретить латиноамериканцев со средним или высшим образованием в США в 2,5 раза выше, чем в странах, где они родились⁴⁰. Одновременно трудовая миграция предоставляет определенные преимущества как для эмигрантов, так и для страны-отъезда.

К числу позитивных моментов массовой миграции в экономически более благополучные страны относятся денежные переводы эмигрантов на свою родину. Эти переводы, полученные по официальным каналам (банки, почты, телеграф), вносят определенный вклад в экономику страны-получателя, кроме того, существуют каналы неофициальные, которыми пользуются как легальные, так и нелегальные мигранты. Посреднические услуги по переводу эмигрантами средств превратились в целую индустрию, а именно — в сеть контор, агентств, банков.

Вопрос о значении материального вклада эмигрантов и, в частности, участия в этом женщин мало изучен, и только в последнее время стали проводиться опросы и исследования этой темы. Однако из-за отсутствия единых методов в сборе данных их оценки не всегда позволяют сделать точные выводы.

Перуанский ученый из Католического университета Лимы Т.Альтамирано, исследовавший проблему миграции (кстати, только с 1999 г. по 2002 г. число перуанских трудовых эмигрантов выросло больше, чем в 4 раза), считает миграцию «кузницей новой культурной идентичности и социально-экономического статуса»⁴¹.

Трудовая миграция определенным образом сказывается на положении женщины. Те женщины, которые уезжают на заработки, становятся экономически более независимыми. В развитых странах они знакомятся с новыми идеями, социальными правами и формами участия в общественной жизни, что по возвращении на родину, несомненно, сказывается на их со-

циальной роли. Трудовая миграция мужчин также оказывает влияние на роль женщины в семье, так как фактически она становится главой семьи и отвечает за распределение материальных средств. Однако здесь следует отметить одно из отрицательных последствий миграции, а именно — социализацию подрастающего поколения. Отъезд отца или матери, или обоих родителей отрицательно сказывается на воспитании детей, остающихся на родине. Колумбийские исследователи проблемы миграции выяснили, что дети, чьи родители уехали на заработки, как правило, хуже учатся в школе, склонны к насилию и чаще вступают в криминальные банды⁴².

С начала нового века размер денежных переводов и их значение для развития экономик стран-выезда, для решения ряда социальных проблем, в частности уменьшения уровня нищеты и бедности, заметно выросли. По данным Межамериканского банка развития, денежные переводы эмигрантов в страны Латинской Америки и Карибского бассейна в 2004 г. составили 45 млрд долл., что на 18% больше, чем в 2003 г. (24 млрд долл.) и почти вдвое больше, чем в 2001 г. (24 млрд долл.). В 2004 г. денежные переводы превысили сумму прямых иностранных вложений в экономику и в ряде стран составляли заметную часть ВВП (в Гаити — 29%, в Никарагуа — 18%, в Гайане и Ямайке — 17%, в Сальвадоре — 16%)⁴³. В целом в начале XXI в. по Латинской Америке и центральноамериканским странам, согласно данным МОТ, только доходы от продажи нефти превосходили средства, поступающие от эмигрантов. Доходы от традиционных статей экспорта были ниже материального вклада эмигрантов⁴⁴.

Главный адресат денежных переводов — семья, для которой временная или постоянная трудовая миграция становится спасением. Полученные средства в основном расходуются на питание, одежду, медицинскую помощь, выплату долгов и реке на открытие своего дела. Например, в Колумбии 76% тех, кто получает переводы, составляют женщины, а если учесть, что больше половины этих получателей не имеют постоянной работы, то переводы являются главным источником дохода семьи⁴⁵. Тем не менее такая помощь позволяет повысить уровень благосостояния семьи. В 2002 г. в 11 странах Южной и Центральной Америки 8,2% домохозяйств получали в среднем по 170 долл. в месяц, что составляло 32,6% от их общего дохода⁴⁶.

Интересное исследование относительно денежных переводов эмигрантов, их размеров, использования и влияния на положение и роль женщин было проведено в 2005 г. в рамках проекта «Трудовые политики с гендерным уклоном», осуществляемого одним из отделений ЭКЛАК при финансовой поддержке Немецкого агентства технической кооперации. В качестве примера был избран Сальвадор, и это было сделано неслучайно. Начиная с 2002 г. сумма ежегодных денежных переводов в Сальвадоре превышала 2 млрд долл. Только за первые пять месяцев 2005 г., по данным Центрального резервного банка Сальвадора, эта сумма составила 1 млрд 144 млн долл., что оказалось выше суммы, посланной за период с 1997 по 1999 г.

В основном деньги в Сальвадор поступают из США, куда уезжает на заработки подавляющая часть сальвадорских мигрантов, 51% которых, по данным на 2005 г., составляли женщины⁴⁷. Денежные поступления от эмигрантов играют существенную роль в материальном положении домохозяйств как бедных, так и не бедных, как в городе, так и в сельской местности. Свыше 17% домохозяйств получают переводы, которые составляют более одной трети от всех их доходов. В Сальвадоре отмечены также наилучшие в Латинской Америке показатели влияния подобных денежных поступлений на положение бедных и нищих. В 2002 г., согласно опросам

домохозяйств, за счет денежных переводов число бедных домохозяйств сократилось на 4,5 процентных пунктов, и на 5,4 — нищих⁴⁸.

Трудовая миграция, денежные переводы оказывают заметное влияние на экономическую и социальную роль женщины, причем как тех, кто уезжает работать за границу и посылает переводы, так и тех, кто остается с детьми (а часто и с детьми женщин эмигрирующих) и получает деньги. Согласно опросу, 64% лиц, получающих переводы в Сальвадоре, составляют женщины (в городах несколько больше, особенно среди бедных, чем в сельской местности). Женщины все чаще становятся главой домохозяйств, главными распределителями денег, а значит, растет их экономическая независимость. (Правда, в опросах отмечалось, что мужчины стараются осуществлять контроль через родственников.)

Во время опроса домохозяйств в Сальвадоре была подмечена еще одна интересная особенность в изменении роли женщин. В основном деньги от переводов расходуются на питание, образование, медицину, однако в последние годы они все чаще идут на создание микропредприятий. Их собственниками являются 30% сальвадорских домохозяйств, причем шесть из каждых десяти предприятий возглавляют женщины. Феминизация микропредприятий — вот один из выводов, сделанных исследователями вопроса влияния денежных переводов на положение женщины⁴⁹.

Путь к полноправной социальной роли женщины в латиноамериканских и карибских странах далек от завершения, но прогресс очевиден, и движение продолжается. Тенденция выравнивания социальных ролей мужчины и женщины заметно окрепла в последние два десятилетия: сложились основные предпосылки к усилению социальной роли женщины, законодательно зафиксированы определенные юридические основы равноправия, предпринимаются попытки их материализации. Процесс институционализации гендерных подходов в экономических и трудовых вопросах все еще фрагментарен, недостаточно эффективен, протекает замедленно и противоречиво. Считанные страны в начале века поднимали гендерный вопрос до уровня пересмотра макроэкономической, торговой, финансовой политики. Однако такая тенденция развивалась, что видно при изучении соответствующих национальных планов в таких странах, как, например, Аргентина, Чили, Эквадор, Мексика, Панама, Доминиканская Республика. По существу это означает разрыв с традицией дискриминации женского пола. Работающие по договору женщины уже не редкость в среде чиновников и профессионалов государственного сектора экономики (в меньшей степени — частного). В то же время до настоящего времени не существует гендерного паритета в министерствах, судах и других государственных институтах, связанных с экономикой, рынком труда, социальными вопросами, т.е. имеющих ключевое значение для достижения полного социального равноправия, в том числе гендерного.

Долгое время «мужскими владениями» была государственная власть. В последнем десятилетии, однако, появилось немало свидетельств не только социальной, но и политической активности женщин, вплоть до занятия ими высоких государственных постов. Наглядный тому пример — избрание президентами страны М.Бачелет в Чили и К.Фернандес де Киршнер в Аргентине, появление женщин во главе министерств. Показательно, что последняя Региональная конференция по проблемам женщин (Кито, 2007 г.), как бы подводя итог достижениям, была целиком посвящена вопросам по-

литического участия, гендерного паритета на уровне принятия решений, анализу вклада женщин в экономику и сферу социальной защиты.

Государственная политика, в которой в настоящее время проявляются как инновационные, так и традиционные подходы, является главным механизмом регулирования и контроля над соблюдением норм социального равноправия. Необходимость внесения в социальную политику корректив и постоянного ее совершенствования диктуется теми глубокими структурными изменениями, которые произошли и происходят в экономике, политике, социальных и гендерных отношениях. «Социальное исключение» из постиндустриального этапа развития огромной по количеству и творческому потенциалу женской категории населения, от которой к тому же зависит основной демографический показатель, — это вопрос не частной жизни и индивидуальной судьбы, но объективная угроза устойчивому развитию.

Усиление позиций женщины в экономической, социальной, политической и культурной жизни неизбежно ведет к трансформации и ослаблению тех основ общества, которые прямо или косвенно воспроизводят дискриминацию и гендерное неравенство, способствуя одновременно преодолению традиционных стереотипов сознания и психологии как мужчин, так и женщин — в семье и обществе. Ускорение позитивного процесса выравнивания социальных ролей мужчин и женщин — это не только признак, но и условие общественного прогресса и развития в современном мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Всемирный Банк. Доклад о мировом развитии. 2006. Справедливость и развитие. М., 2006, с. 20—21.

² Там же, с. 48.

³ Cuadernos de Nuestra América. La Habana, 2006, vol. XIX, N 37—38, p. 111—112.

⁴ Справедливая глобализация: создание возможностей для всех. Женева, 2004, с. 20.

⁵ Cuadernos de Nuestra América. Santiago de Chile, 2006, N 37—38, p. 111.

⁶ CEPAL. Serie Políticas sociales. Santiago de Chile, 2001, N 29, p. 10—11, 42—43.

⁷ CEPAL. Panorama social de América Latina. 2007. Santiago de Chile, 2008, p. 169.

⁸ Ibid., p. 194.

⁹ Ibid., p. 170.

¹⁰ Cahiers des Amériques Latines. Paris, 2004, N 3, p. 71.

¹¹ CEPAL. Serie Políticas sociales, 2007, N 136, p. 12.

¹² Cahiers des Amériques Latines, 2004, N 47, p. 52.

¹³ Ibid., p. 31, 33.

¹⁴ CEPAL. Panorama social de América Latina. 1999—2000. Santiago de Chile, 2000, p. 113.

¹⁵ CEPAL. Serie Políticas sociales, 2007, N 136, p. 12.

¹⁶ Подробнее см.: Латинская Америка, 2008, № 1, с. 48—50.

¹⁷ CEPAL. Serie Políticas sociales, 2006, N 120, p. 19.

¹⁸ Ibid., p. 8—9.

¹⁹ Ibid., p. 10—11.

²⁰ CEPAL. Serie Políticas sociales, 2006, N 120, p. 12—14.

²¹ CEPAL. Panorama social de América Latina, 2006, p. 116; Revista de la CEPAL. Santiago de Chile, 2007, N 92, p. 66. Следует учитывать, что данные МОТ, ЭКЛАК и национальные официальные данные часто не совпадают.

²² CEPAL. Panorama social de América Latina, 2006. Santiago de Chile, 2007, p. 116.

²³ Ibidem.

²⁴ Ibid., p. 119.

²⁵ Revista de la CEPAL, 2007, N 92, p. 69.

²⁶ Global Employment Trends: January 2008. Geneva, 2008, p. 42.

- ²⁷ CEPAL. Serie Mujer y desarrollo. Santiago de Chile, 2004, N 59, p. 8—21.
- ²⁸ CEPAL. Panorama social de América Latina, 2007, p. 71.
- ²⁹ Ibid., p. 161.
- ³⁰ CEPAL. Panorama social de América Latina, 2006, p. 134.
- ³¹ Ibid., p. 116.
- ³² Ibid., p. 135.
- ³³ Ibid., p. 128.
- ³⁴ Ibid., p. 105.
- ³⁵ Revista de la CEPAL, 2007, N 92, p. 72.
- ³⁶ M.F l ó r e z E s t r a d a. Economía del género. El valor simbólico y económico de las mujeres. San José, 2007, p. 70, 76.
- ³⁷ CS. Cali, 2007, N 1, p. 63—91.
- ³⁸ Emigración latinoamericana: comparación interregional entre América del Norte, Europa y Japón. Osaka, 2003, p. 313.
- ³⁹ Revista de la CEPAL, 2007, N 92, p. 145.
- ⁴⁰ Ibid., p. 145, 157.
- ⁴¹ Emigración latinoamericana: comparación interregional entre América del Norte, Europa y Japón, p. 195.
- ⁴² Revista de la CEPAL, 2007, N 92, p. 157.
- ⁴³ CEPAL. Panorama social de América Latina, 2005. Santiago de Chile, 2006, p. 94—95.
- ⁴⁴ Emigración latinoamérica: comparación interregional entre América del Norte, Europa y Japón, p. 199.
- ⁴⁵ Revista de la CEPAL, 2007, N 92, p. 148.
- ⁴⁶ CEPAL. Panorama social de América Latina, 2005, p. 99.
- ⁴⁷ CEPAL. Serie Mujer y desarrollo, 2006, N 78, p. 8—9.
- ⁴⁸ CEPAL. Panorama social de América Latina, 2005, p. 103—104.
- ⁴⁹ CEPAL. Serie Mujer y desarrollo, N 78, p. 47.